

Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940-1945

Автор:

Эдвард Кукридж

Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940-1945

Эдвард Кукридж

Книга английского журналиста Эдварда Кукриджа посвящена истории созданной в 1940 году британской секретной спецслужбы. Организация агентурных сетей, обучение агентов, контакты с группами Сопротивления на территории Франции, Голландии, Дании, Норвегии и других европейских стран, диверсии, саботаж – вот далеко не полный перечень деятельности Управления специальных операций (SOE).

Эдвард Кукридж

Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940-1945

Предисловие

Один шпион в нужном месте стоит двадцати тысяч солдат на поле боя.

Наполеон Бонапарт

Война привлекательна для тех, кто ее не знает.

Эразм Роттердамский

Несколько лет назад я передал план этой книги спецслужбам Великобритании. Мне было сказано, что она никогда не увидит свет. При этом меня уведомили, что сведения, не подлежащие разглашению, защищены соответствующими законами. Несанкционированная публикация повлечет за собой серьезное наказание, вплоть до тюремного заключения, причем не только для автора, но и для лиц, предоставивших ему информацию и оказавших любое другое содействие. Мои друзья и коллеги по Управлению специальных операций (Special Operation Executive – SOE), так же как и я, во время войны давали подписку о неразглашении секретных сведений. Таким образом, проигнорировав это предупреждение, мы все, включая издателей и типографских работников, оказывались под нешуточной угрозой.

История SOE, прообраза американского бюро спецопераций (Office of Strategic Services – OSS), является неотъемлемой частью истории деятельности спецслужб в период Второй мировой войны. История OSS и его основателя и главы генерала Донована многократно и весьма подробно описана в литературе. А вот британские власти почему-то считают, что секреты 25-летней давности, касающиеся собственного Управления спецопераций, следует тщательно охранять от своего же народа, хотя любой потенциальный противник может при желании легко разыскать все нужные ему сведения в официальных зарубежных архивах.

Несмотря на все сложности, мне очень хотелось опубликовать эту книгу, поэтому я упорно продолжал изыскания. Они длились почти шесть лет. За это время я объездил семь европейских стран, взял интервью у шестисот человек, которые так или иначе были задействованы в секретных операциях SOE. Я делал магнитофонные записи и брал подписанные свидетельства, в том числе у бывших офицеров абвера и гестапо.

Прошло время. После изнурительных переговоров, завершившихся вмешательством некоторых высокопоставленных лиц, британские спецслужбы дали согласие на публикацию, но обязали меня произвести ряд сокращений. Я должен был исключить часть текста, где описывались грубейшие ошибки Британской секретной службы и назывались имена ответственных за это особ.

В американском издании книга вышла без сокращений, она – это неприукрашенная история трех лет. Можно сказать и об изданиях, переведенных на иностранные языки и опубликованных в 1967 году в Париже, Гааге, Мюнхене и Риме. Учитывая нежелание британских властей оказывать мне содействие, я вел активный поиск требующихся мне материалов в архивах других стран. Что любопытно, именно там обнаружили наиболее полные и достоверные документы о SOE. Генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий войсками союзников, в конце войны распорядился, чтобы большинство докладов SOE и OSS в SHAEF[1 - SHAEF – объединенный штаб экспедиционных войск союзников. (Примеч. пер.)] были переданы в Центр исторических документов (Historical Records Center) и другие архивы Пентагона. Именно там, а также в архивах ряда европейских столиц я нашел нужные материалы.

Я не получил помощи от британских властей, но, тем не менее, сумел собрать официальные британские материалы, причем я их получил совершенно законным путем за границей. Таким образом, я проверил и подтвердил или опроверг многочисленные свидетельства уцелевших лидеров SOE, секретных агентов и участников Сопrotивления. В Париже я получил доступ ко всем официальным источникам. Правительственные организации в Голландии, Дании, Норвегии и Германии также оказали мне содействие.

Памятуя о риске навлечь неприятности на своих друзей в Великобритании, я долгое время сомневался, стоит ли прибегать к их помощи. Однако друзья заверили меня, что реакция официальных властей их ничуть не пугает. И я получил возможность дополнить свой рассказ копиями некоторых сообщений, которыми они обменивались со штабом SOE, а также рядом докладов и инструкций, ранее не публиковавшихся. Поэтому я имею все основания утверждать, что все материалы, приведенные в настоящей книге, подлинные.

Кое-что я почерпнул из собственного опыта, главным образом это касается отношений с гестапо. Я был узником Дахау и Бухенвальда и знаю, какие ужасы там творились, не понаслышке. Я несу полную ответственность за каждую написанную мною строку. В книге приведены только мои личные комментарии (за исключением отмеченных особо). Я выражаю искреннюю признательность за помощь моим друзьям из SOE. Они знают, как глубоко я им благодарен. Здесь, в предисловии, я хочу отметить некоторых из них, не пожалевших своего времени и сил и снабдивших меня воистину бесценной информацией. Это полковник Морис Дж. Букмастер, Вера Аткинс, профессор Х.А. Рэ и многие другие.

За помощь в получении французских материалов я в неоплатном долгу перед профессором историком Генри Мишелем, а также мсье Константенем Мельником, бывшим советником по вопросам безопасности и разведки французского премьера.

Также я не могу не упомянуть доктора Луиса де Джонга, директора Голландского государственного института военных документов, который открыл мне доступ к важнейшим материалам. Я очень ценю помощь многих официальных лиц, работников архивов, офицеров разведки разных стран, которые провели со мной немало времени и благодаря которым я стал обладателем бесценной информации.

Я хочу также поблагодарить капитана Питера Черчилля, кавалера ордена «За боевые заслуги», доктора Джорджа Хейструпа, майора Питера Кемпа... Имена можно перечислять бесконечно.

И конечно, я обязан воздать должное Морланду Ли, который постоянно помогал мне в работе, особенно на ранних стадиях, был переводчиком датских, голландских и норвежских документов, а также моим другом и секретарем.

Напоследок я должен упомянуть о моей жене Фине, которая на протяжении долгих лет безропотно терпела мою озабоченность исключительно делами SOE. Без ее любви и постоянной поддержки я бы наверняка не выдержал и уступил периодически одолевавшему меня желанию бросить все и молчать, как и положено хорошему секретному агенту.

И.Х. К

Глава 1

ВОЙНА – НЕ ДЕЛО ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Идея создания организации, названной Управлением специальных операций, родилась 19 июля 1940 года. Именно в этот день Уинстон Черчилль представил своему военному кабинету краткую пояснительную записку по этому вопросу.

Несколько росчерков его пера создали организацию, задачей которой являлась «координация всех действий по ведению диверсионной деятельности и саботажа против врага за границей».

В этот же день Гитлер в Берлине обратился к рейхстагу. Он заявил, что час сокрушительного поражения Великобритании близок и что в самом ближайшем будущем Черчиллю придется искать убежище в Канаде. Франция, Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия пали. Причем их завоевание прошло очень легко. На следующий день фюрер «тысячелетнего» Третьего рейха воспользовался дипломатическими каналами Швеции, США и Ватикана и предложил покончить с враждой. Гитлер сказал, что делает это предложение «как победитель, считающий такое решение целесообразным».

22 июля британский военный кабинет принял решение не соглашаться на мировую с противником. Вечером того же дня министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс в своем радиообращении к народу заявил, что англичане с негодованием «отвергают ультиматум Гитлера, требующий подчиниться его воле». Сравнив нынешнюю обстановку в Европе, стонущей под гнетом нацизма, с той свободной Европой будущего, за которую борется Британия, он сказал: «Мы не прекратим сражаться, пока не будет установлен мир».

Тем же утром на собрании военного кабинета была одобрена пояснительная записка премьер-министра и утверждено создание Управления специальных операций, ответственность за работу которого возложили на военно-экономического министра доктора Хью Далтона.

В течение всей своей жизни Уинстон Черчилль постоянно интересовался нетрадиционными методами ведения военных действий. Еще в свою бытность первым лордом адмиралтейства в кабинете Чемберлена, он выдвинул идею создания ударных боевых групп, которые позже успешно действовали во время норвежской военной кампании и совершили немало дерзких вылазок. Летом 1940 года, когда Британия попала в весьма затруднительное положение, «оказавшись один на один с врагом», Черчилль был уверен, что наступательные операции возможны только в виде бомбардировок с воздуха, проведения регулярных рейдов в береговых зонах оккупированных стран, а также в организации диверсионной деятельности и саботажа в Европе. На протяжении длительного времени первый из названных вариантов был недоступен Британии, поскольку она располагала малым числом самолетов, которых явно было

недостаточно даже для организации эффективной защиты острова. Поэтому идея высадки на побережье Европы небольших ударных групп, а также отправки десантников-парашютистов в тыл врага, где секретные агенты организовывали бы диверсии и оказывали помощь в создании партизанских отрядов, возникла у Черчилля еще в самом начале войны.

В конце мая 1940 года, то есть через две недели после нападения Германии на страны Бенилюкса, в тот самый период, когда ситуацию во Франции смело можно было назвать критической, Черчилль провел памятную встречу с верхушкой военного руководства. Он поставил перед ними вопрос прямо: каковы, по их мнению, перспективы Великобритании, если она будет продолжать вести войну в одиночестве? 27 мая премьер-министру был представлен объединенный меморандум. Он включал тринадцать пунктов, в которых, главным образом, говорилось об обеспечении превосходства в воздухе, а также о возможности оказания давления на военный потенциал Гитлера. В частности, там говорилось: «Кроме того, способствовать поражению Германии можно путем стимулирования повстанческих настроений, которые непременно присутствуют на завоеванных территориях. Оккупированные страны, весьма вероятно, станут плодотворной почвой для проведения таких операций, особенно при условии ухудшения экономической ситуации. При подобных обстоятельствах мы считаем эту форму деятельности исключительно важной».

На следующей встрече было принято решение о создании специальной организации, которая будет заниматься ведением эффективной подрывной деятельности на оккупированных территориях, а также о необходимости обучения специальных агентов.

Еще перед войной в Британской секретной службе и военной разведке существовали подразделения, в чьи функции входило планирование всех видов диверсионной деятельности. Но у Черчилля, очевидно, имелись большие сомнения в их действенности.

4 июля он написал генералу Гастингсу Лайонелу Исмэю: «Оборонительный склад ума уже погубил Францию, нельзя допустить, чтобы он свел на нет все наши полезные инициативы... Было бы прекрасно, если бы немцы, вместо того чтобы заставлять нас возводить защитные стены и крышу вокруг нашего острова, вынуждены были гадать, с какой стороны будет нанесен следующий удар».

6 июля он снова написал короткое послание Исмэю, в котором настойчиво спрашивал: «Что делается в части подготовки хороших агентов для Дании, Голландии, Бельгии и прибрежных районов Франции?» Он требовал организации «агентурной разведывательной сети на всем побережье», желал видеть «группы специально подготовленных людей, занимающихся террористическими актами... чтобы жизнь немецких солдат в оккупированной Европе стала ежедневной и ежечасной пыткой».

В своем майском меморандуме военное руководство подчеркивало исключительную важность ведения подрывной деятельности в оккупированной врагом Европе. Однако в последующие несколько недель не было предпринято никаких мер.

1 июля прошло заседание под председательством лорда Галифакса с приглашением ряда министров. На нем была выработана структура новой организации – Управления специальных операций (далее – SOE), призванного координировать саботаж и диверсионную деятельность против врага.

Сразу же после создания SOE разгорелся ожесточенный спор, какому из правительственных департаментов должна подчиняться новая служба. Военное министерство настаивало на своем праве осуществлять руководство, того же требовало и министерство иностранных дел. В то же время глава секретной службы (Secret Intelligence Service – далее – SIS) полковник Стюарт Мензис имел все основания полагать, что новая организация будет в той или иной форме подчиняться именно ему. В его департаменте (в дальнейшем я буду называть его департаментом Д) были отделы, уже выполнявшие функции, возложенные на SOE.

Штабисты предложили премьер-министру, чтобы SOE управлял комитет, куда входили бы представители военных департаментов, разведки, министерства иностранных дел, министерства информации и военно-экономического министерства. Такой комитет будет иметь преимущества перед любым из ведомств в отдельности.

Вопрос поставили перед кабинетом. Доктор Хью Далтон, глава военно-экономического министерства, предложил на должность руководителя SOE кандидатуру вице-преьера Клемента Этли, бывшего тогда лордом – хранителем печати, сам же планировал стать у Этли начальником штаба. Таким образом SOE попадала в административное подчинение военно-экономического

министерства.

Когда лорд Галифакс заявил о правах министерства иностранных дел, лорд Ллойд, министр по делам колоний, сказал: «С вами никогда не будут советоваться, потому что вы никогда и ни с чем не соглашаетесь». А когда один из членов кабинета заметил, что претензии военного министерства самые обоснованные, в противном случае SOE имеет смысл подчинить полковнику Мензису, доктор Далтон категорически возразил, подчеркнув, что у военного министерства забот хватает и что щупальца военной разведки уже и так проникли всюду. Опираясь на поддержку министров-лейбористов, он настаивал на том, что у создаваемой организации задачи будут отнюдь не военные. «Саботаж и подрывная деятельность в Европе затронут интересы профсоюзного и социалистического движения на вражеских, а также на оккупированных врагом территориях. Речь идет о создании пятой колонны, диверсиях, хаосе и прочей революционной деятельности».

Далтон подробно изложил свои идеи Черчиллю, который впоследствии написал лорду Галифаксу, зная, что последний имеет большое влияние на министров-консерваторов, следующее: «Мы должны организовать на оккупированных территориях движения, сравнимые с шинфейнерами в Ирландии, китайскими партизанами, борющимися против Японии, испанскими повстанцами... в период кампании Веллингтона или, и это следует признать, нацистскими организациями, созданными почти во всех странах. Мы должны использовать самые разнообразные методы, включая военный и промышленный саботаж, волнения и забастовки среди рабочих, постоянную пропаганду, террористические акты, направленные против предателей и немецких лидеров, бойкоты и бунты».

Военно-экономическое министерство на деле было значительно лучше приспособлено для такой работы, чем можно было предполагать, исходя из его названия. Сам Черчилль называл его министерством «неджентльменских» военных действий. Созданное по образу и подобию блокадного министерства, действовавшего во время Первой мировой войны, военно-экономическое министерство было организовано на более широкой основе. Оно имело в своем составе разведывательное управление и всю занималось пропагандой и различными видами подрывной деятельности. Некоторые его операции, например разработанный осенью 1939 года план подрывной кампании в шведском порту Оксельзунд, направленный на срыв поставки железной руды в Германию, были известны только очень узкому кругу лиц. В их число входил,

разумеется, сам Черчилль, а также его ближайший друг майор (теперь сэра Десмонд) Мортон, бывший глава центра промышленного шпионажа, ставший одним из руководителей военно-экономического министерства.

После прошедшей 1 июля знаменательной встречи, на которой было принято решение о создании SOE, Черчилль поручил Далтону руководство новой организацией. Далтон занимал этот пост вплоть до февраля 1942 года, когда стал президентом Торговой палаты. В SOE его сменил лорд Вольмер, а позже – лорд Сэлбурн.

Черчилль так никогда и не признался, почему не отдал прямое управление SOE в жадно протянутые руки многочисленных представителей руководящей верхушки. Но в ряде его записок, в том числе обращенных к его помощнику, генералу Исмэю, можно найти высказывания, отчасти проливающие свет на причины этого решения. Летом 1940 года премьер-министр писал: «Я не удовлетворен количеством и качеством получаемой информации. Мы продолжаем оставаться отрезанными от этих территорий, так же как и от Германии. Я жду предложений относительно быстрого улучшения нашей работы во Франции. Нам жизненно необходима информация, а значит, нужен постоянный поток агентов, движущихся в обоих направлениях. Что же касается правительства Виши, нам не делает чести то, что мы располагаем таким незначительным объемом информации. А в какой степени используется наша агентура в Америке, Швеции и Испании?»[2 - Черчилль У. Указ. соч. (Примеч. авт.)]

Генерал Исмэй, в свою очередь, оценил ситуацию следующим образом: «В военном министерстве, по моему мнению, собрались люди крайне ограниченные и с полным отсутствием воображения... к тому же их там слишком много».

В любом случае Черчилль вовсе не собирался отдавать свое любимое детище в руки других людей. Должно быть, он с самого начала решил не спускать с него глаз, по-отечески внимательно следить за его ростом и развитием. После того как кабинет одобрил создание SOE, Черчилль написал Энтони Идену (теперь лорд Эйвон), бывшему тогда военным министром: «Нам необходимо срочно принять меры по получению наиболее полной информации о немецких вооруженных силах на оккупированных территориях, установить контакты с местным населением, направить туда наших агентов. Думаю, что этим с успехом займется новая организация, созданная под эгидой военно-экономического министерства»[3 - Там же.].

Таким образом, британский премьер поставил перед SOE новую задачу, выходящую за рамки первоначально планируемых функций, которые должны были заключаться в подрывной деятельности на оккупированных врагом территориях. Теперь имелось в виду, что агенты SOE должны собирать информацию и передавать ее кабинету, выступая, таким образом, конкурентами секретной службы (SIS) и военной разведки (MI). Но эта идея была с негодованием отвергнута членами кабинета, и в конце концов вопрос замяли. Известный военный историк, профессор Дж. Р.М. Батлер сформулировал свой вывод следующим образом: «В первые месяцы деятельности к SOE было предъявлено много претензий со стороны давно существующих организаций. Положение усугубилось личной неприязнью между их руководителями».

Задачи SOE были сформулированы лишь в общих чертах и должны были быть определены более полно с началом функционирования организации. Из записок Черчилля Идену, а также из последующих приказов штабной верхушки (позже – руководства Штаба верховного главнокомандующего объединенных экспедиционных сил) становится очевидным, что агенты SOE тем не менее занимались сбором разведывательной информации и сыграли определенную роль в сложной политической и идеологической игре, которая велась в рядах движения Сопротивления некоторых европейских стран. Цель SOE – создавать или всемерно поддерживать национальные организации движения Сопротивления в оккупированных нацистами странах – часто оказывалась поставленной в прямую зависимость от проблем политической лояльности. Группы Сопротивления распадались из-за внутренних политических конфликтов и даже элементарной зависти между их лидерами. Так было в Греции и Югославии (противодействие между монархистами и коммунистами), во Франции (разногласия между приверженцами де Голля – голлистами, правыми и коммунистами) и т. д.

Даже первоочередные задачи SOE, как отмечает генерал сэр Колин Габбинс, были по своей природе зачастую противоречивы. Чтобы не привлекать внимание к созданию тайных отрядов, необходимо было избегать любой деятельности, которая могла бы обратить на себя внимание немцев. В то же время неизбежным следствием активной подрывной деятельности явилось пристальное внимание гестапо и СС.

Кроме того, министерства и ведомства, чьи руководители полагали, что имеют право участвовать в управлении SOE, никак не могли договориться между собой об основных направлениях деятельности организации. Фельдмаршал лорд

Вильсон, являвшийся начиная с 1943 года командующим средиземноморским штабом SOE, говорил: «Вначале было довольно большое количество «горячих направлений», поскольку слишком много людей было вовлечено в процесс принятия решений и их осуществления. Самыми заинтересованными оказались военно-воздушные силы, поскольку их самолеты отвлекались от обычных действий для выполнения особых заданий. Впрочем, самолетов всегда оказывалось недостаточно. У SOE имелось собственное руководство, у которого на уме было нечто свое. В министерстве иностранных дел тоже хватало идей, которые зачастую противоречили соображениям руководителей SOE. А у верховного главнокомандования имелась генеральная стратегия, которую следовало выполнять. В итоге «горячих направлений», которым требовалось первоочередное выделение горючего, нередко оказывалось слишком много.

Но горючего было мало, в результате «горячие направления» нередко становились «горящими».

Военное министерство, конечно, должно было держать бразды правления в своих руках, потому что персонал SOE главным образом набирался в армии. Но сама концепция тайной организации, находящейся под руководством министра-социалиста, в которую Черчилль также направил бизнесменов, университетских профессоров и журналистов, являлась форменным проклятием для военных. И они при каждом удобном случае вставляли палки в колеса той горстке людей, которая была призвана поставить новую организацию на ноги. В общем-то это было неудивительно: военному министерству предстояло расстаться с одним из своих разведывательных управлений, MI(R), и передать его SOE.

БРИТАНСКАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА

В начале войны существовало несколько ведомств, в круг обязанностей которых входило решение задач, в дальнейшем переданных SOE. Одним из них был исследовательский отдел военной разведки MI(R), существовавший в военном министерстве, возглавлял его полковник Джон Холланд. Холланд, умный человек и очень грамотный инженер, много лет служил в Ирландии, в том числе и в годы беспорядков. Он живо интересовался нетрадиционными методами ведения войны. Одним из его ближайших помощников был лейтенант-полковник Колин Габбинс, будущий глава SOE.

Существовал еще Центр промышленного шпионажа, созданный еще в 1931 году майором Мортонем как частное предприятие. В 1935 году он стал государственной структурой, выступающей от имени Имперского оборонного комитета и изучающей промышленный и военный потенциал ряда государств. В начале 1939 года в министерстве иностранных дел был образован отдел, занимающийся пропагандистской работой в странах потенциальных противников.

Кроме того, существовала воистину легендарная организация SIS – в печати ее часто называют Британской секретной службой, ее история восходит к самому началу прошлого века. В разные годы с ней сотрудничали такие известные люди, как Редьярд Киплинг, Сомерсет Моэм, Баден-Пауэлл и Комптон Маккензи. Ее руководителем на протяжении многих лет был вице-адмирал сэр Хью Синклер. Полковник Мензис сменил на этом посту Синклера после его смерти в 1939 году.

В структуре Британской секретной службы существовал департамент Д, состоящий из двух отделов. Его возглавлял заместитель полковника Мензиса, лейтенант-полковник (позже генерал-майор) Лоуренс Дуглас Гранд. Один из отделов департамента Д занимался изучением форм и методов промышленного саботажа, нетрадиционных способов ведения войны, а также подготовкой агентов для организации диверсионных актов. Другой отдел специализировался на пропаганде политической и экономической подрывной деятельности, направленной против врага в военное время. Сначала MI(R), а потом и оба отдела департамента Д были переданы в SOE. Отдел пропаганды стал SO-1, саботажа – SO-2. В дальнейшем SO-1 стал политическим управлением и отделился от головной организации. Между тем Британская секретная служба продолжала заниматься сбором информации в оккупированных нацистами странах, хотя число ее агентов там значительно уменьшилось. Деятельность агентов SIS часто пересекалась с возникавшим повсеместно движением Сопротивления, поэтому SIS и SOE порой дублировали друг друга.

SIS оказывала определенное влияние на деятельность SOE, поскольку имела в своем составе региональные отделения, поддерживавшие тесные контакты с секретными службами правительств европейских государств, осевших в Лондоне. К примеру, французское отделение SIS было значительно более влиятельным, чем аналогичное отделение SOE, и поддерживало постоянные связи с BCRA[4 - BCRA – Bureau Central de Renseignements et d'Action – разведывательное подразделение генерала де Голля, работавшее в Лондоне в

1940–1944 годах. (Примеч. пер.)] генерала де Голля. Правда, это произошло только потому, что главы этого отделения, командер Кеннет Кохен (Дункан) и полковник сэр Клод Дэнси, сумели установить личные дружеские отношения с руководителем секретной службы де Голля полковником Пасси (Андре Девеврэн) и его помощниками.

Приступив к работе, Управление специальных операций – SOE не получило никакой помощи от своих коллег из SIS. После войны генерал-майор сэр Колин Габбинс писал о задачах SOE следующее: «Имелось в виду содействие населению оккупированных стран в организации подрывной деятельности, актов диверсий и саботажа, направленных против врага. Но в то же время следовало создавать на территориях оккупированных стран тайные вооруженные формирования и готовить их к участию в боях за освобождение своих стран... Проще говоря, планировалась переброска на оккупированные территории большого количества людей, оружия и взрывчатых веществ. Однако первоочередная задача – войти в контакт с местным населением, собрать максимум информации о его возможностях и желании сражаться. И уж самая срочная – найти людей, которые бы имели желание и возможности отправиться в чреватое многочисленными опасностями путешествие, затем обучить их, снабдить всем необходимым для работы и обеспечить связи, когда они окажутся на вражеской территории. Все контакты с оккупированными территориями были прерваны, когда последние британские полки вернулись на родину в 1940 году. И первый человек, который будет сброшен с парашютом над любой оккупированной страной, окажется в полном смысле этого слова слепым. Его никто не будет ждать, никто не встретит, не приготовит убежище, не спрячет его снаряжение, не обеспечит безопасное перемещение внутри страны...»

Это замечание бывшего главы SOE довольно точно описывало ситуацию 1940 года. У Британской секретной службы почти не осталось агентов на континенте.

СЛУЧАЙ В ВЕНЛО

Одной из причин провала деятельности Британской секретной службы в оккупированных странах Западной Европы была трагедия, случившаяся в ее региональном отделении в Голландии в 1939 году.

Континентальный центр SIS, созданный перед войной адмиралом Синклером, располагался в Гааге, в доме № 15 по улице Нуве-Утвег. В соседнем доме в 1915 году жила Мата Хари. Главой этого европейского офиса был майор Х.Р. Стивене, а его заместителем – капитан С. Пейн-Бест.

Осенью 1939 года эти офицеры приняли участие в ряде встреч с немцами, заявившими о своей оппозиции нацизму и Гитлеру. Британских разведчиков привлекла возможность получить предложенную им секретную военную и политическую информацию. На одной из этих встреч, проходившей в центральном отеле Амстердама, некий доктор Франц Фишер, объявивший себя беженцем из фашистской Германии, представил англичанам «капитана Золма из люфтваффе». Этот человек предъявил выходящие весьма достоверными письменные свидетельства того, что он выступает от имени группы генералов, имеющих антигитлеровские настроения, при этом назывались довольно известные имена высших военных чинов Германии, бывших в опале у фюрера.

Настоящее имя капитана Золма было Йоганн Траваглио. Он действительно был капитаном, но служил в абвере, в отделе, занимавшемся борьбой со шпионажем. Он работал во взаимодействии с гитлеровской РСХА под руководством доктора Гельмута Кохена (впоследствии он стал шефом гестапо в Париже, был приговорен к смертной казни, но получил отсрочку в исполнении приговора). Золм сказал майору Стивенсу и капитану Пейн-Бесту, что генерал фон Витерзайн готов встретиться с ними в отеле «Вильгель-мина» в местечке Венло, расположенном на границе с Германией, где генерал передаст им совершенно секретную информацию о мобилизационных планах вермахта и о состоянии военной промышленности в Рурской области.

После серии встреч, проведенных в амстердамском отеле «Паркзихт», было принято решение, что британские разведчики встретятся с генералом фон Витерзайном и другими немецкими офицерами в Венло в сентябре. Переговоры продолжались и после начала войны. Британские офицеры доложили обо всем своему командованию в Лондоне и получили инструкции не афишировать своих действий, поскольку Голландия сохраняла нейтралитет, но, тем не менее, проинформировать руководителя голландской секретной службы о своих намерениях. Так и было сделано. Глава голландской военной разведки генерал-майор Дж. ван Ооршот крайне неохотно, но все же дал свое согласие на проведение англ о- немецкой встречи на голландской земле. Он выдвинул условие, чтобы англичан сопровождал голландский офицер-разведчик лейтенант Дэниел Клоп.

Встреча с генералом была назначена на 19 октября в Динксперло. Но когда британские разведчики и сопровождающий их голландец прибыли, их встретили капитан Золм и еще двое немцев, представившиеся как полковник фон За-лих и майор Кристенсен. Офицеры сообщили, что генерал фон Витерзайн не смог прибыть на встречу. Новую встречу назначили на 30 октября в Гааге. На нее приехали еще два немца, но генерал так и не появился. Один из немцев был представлен британским офицерам как доктор Шиммель, как и все прочие являющийся высокопоставленным лицом в немецкой разведке. Это вполне соответствовало действительности, только вот доктор Шиммель никогда не выступал против нацистов. Напротив, это был весьма высокопоставленный эсэсовец Вальтер Шелленберг, доверенное лицо Гимmlера, который четыре годами позже стал шефом немецкой секретной службы. Второй немец, «полковник Мартин», сообщил англичанам, что является сотрудником немецкого генерального штаба и представителем группы антигитлеровски настроенных генералов. Судя по их сообщениям, есть реальные планы ареста Гитлера и уничтожения нацистского режима силами немецкой армии. После совершения государственного переворота, по их словам, планируется обращение к правительствам Англии и Франции о начале мирных переговоров. Шла уже шестая неделя войны.

Следствием этого доклада явилось решение Лондона принять участие в следующей встрече, на которой, наконец, должны были появиться долгожданные генералы. Историческое событие было назначено на 7 ноября в Венло.

В тот день немцы, под руководством «доктора Шиммеля», встретились с британскими офицерами и голландским разведчиком лейтенантом Клопом в кафе «Бахус». «Доктор Шиммель» сообщил, что генерал фон Витерзайн и еще «несколько более высокопоставленных генералов» придут на границу 9 ноября в 4 часа пополудни. Все заинтересованные лица снова встретились в кафе «Бахус», находившемся неподалеку от немецкого пограничного поста. Приблизившись к месту предполагаемой встречи, «доктор Шиммель» сообщил, что сигналом безопасности встречи будет взмах его руки. Но когда он взмахнул рукой, откуда-то с ревом вырвался большой черный фургон. Из него высыпали вооруженные люди и, угрожая оружием, вынудили англичан сесть в машину. Лейтенант Клоп, оказавшись на свободе, успел произвести несколько выстрелов из своего револьвера, намереваясь, очевидно, привлечь внимание голландских пограничников. Немцы тоже открыли огонь. Голландец был тяжело ранен. Его погрузили в машину, которая, более не задерживаясь, быстро скрылась на территории Германии.

Похищенные британские офицеры и раненый голландец были доставлены в Дюссельдорф. лейтенант Клоп вскоре скончался в тюремном госпитале от полученных в перестрелке ран. Англичане же всю войну провели в немецких тюрьмах и концентрационных лагерях, причем значительную часть времени в одиночном заключении.

За похищением двух высокопоставленных офицеров Британской секретной службы (SIS) в Европе последовало еще одно событие, в значительной мере усугубившее ситуацию. После того как началось вторжение в Голландию, агенты и сотрудники Континентального центра были вынуждены в мае 1940 года покинуть Гаагу. Один из агентов в спешке потерял портфель, в котором находились сведения обо всех его контактах.

Уже после войны лейтенант-полковник Герман Гиске, начальник отдела III-F голландского отделения абвера, сообщил, что немцы начиная с 1935 года постоянно следили за офицерами Британской секретной службы в Шивинингене и Гааге. Он писал: «Я лично видел фильм, снятый нашими людьми перед войной. В нем можно было видеть весь персонал, агентов и посетителей британской шпионской организации, действующей против Германии. Его сняли несколько наших парней через иллюминатор большой баржи, которая время от времени по нескольку дней, а иногда даже несколько недель стояла на якоре у небольшой пристани, находившейся не более чем в тридцати ярдах от улицы, где расположился штаб Британской секретной службы. Должен сказать, что на наших кинооператоров совершенно не обращали внимания и никто ни разу не попытался им помешать. К сожалению, это был немой фильм, но зато в титрах можно было прочитать имена, псевдонимы, данные об обязанностях, роде деятельности и контактах каждого из невольных актеров. Вряд ли стоит говорить, что английских агентов, засланных отсюда в Германию, неминуемо ждала теплая встреча.

Во Франции, где немцы сумели внедрить множество своих людей в правительственные и полицейские структуры, положение SIS было не многим лучше, а во многих отношениях даже хуже. События в Венло и ряд других инцидентов заставили SIS поспешно отозвать своих агентов из Франции, Бенилюкса и Германии, поскольку почти все они были известны немцам и находились на грани провала. Следует признать тот факт, что ни одно из отделений Британской секретной службы не было по-настоящему готово справиться с ситуацией, которая сложилась после оккупации немцами стран Западной Европы. Перед войной, а также в ее начале до падения Франции

военная разведка сотрудничала с французским Deuxième Bureau (Вторым бюро). Эта связь нарушилась после заключения Петеном перемирия, когда Второе бюро временно прекратило свое существование. Приходилось медленно и осторожно восстанавливать контакты с сохранившими преданность делу союзников французскими офицерами-разведчиками, которые теперь служили под началом Петена в правительстве Виши».

В результате изложенного выше становится ясным, что военным службам и министерству иностранных дел ничего не оставалось, кроме как забыть о своем скептицизме в отношении деятельности SOE и полностью положиться на эту новую организацию, ожидая от ее агентов помощи в получении разведывательной информации.

Как только в Европе высадились первые агенты SOE, на руководство Управления специальных операций немедленно стало оказываться давление. Агенты SOE должны были обеспечить все заинтересованные службы военной и политической информацией из оккупированных стран. Но это вовсе не входило в обязанности храбрых мужчин и женщин, которые добровольно вызвались переправиться через Ла-Манш, чтобы «разжечь в Европе пожар». Они не являлись профессиональными шпионами и совершенно не стремились внести дополнительный элемент риска в свои и без того смертельно опасные задания.

Однако, учитывая острую потребность в информации, офицеры SOE, часто даже толком не понимая, что именно они должны разузнать, подвергали свою жизнь большому риску, часто ставя под угрозу срыва свои непосредственные задания. Они работали в качестве руководителей и инструкторов групп, занимавшихся саботажем, выполняли функции офицеров связи с движением Сопротивления, курьеров, становились руководителями сетей тайных боевых групп, распределяли оружие, доставленное самолетами из Британии. Полевые агенты SOE ежеминутно рисковали собой, находясь под постоянной угрозой провала, потому что немцы внедрились в ряды Сопротивления множество своих людей.

Дополнительная нагрузка в виде необходимости сбора и передачи разведывательной информации была для них чрезмерной. Вообще-то нецелесообразно было поручать полевым агентам сбор информации о новейших исследованиях немецких ученых, уровне развития военной промышленности Германии или о дислокации в европейских морских портах немецких военных кораблей. Однако именно такие запросы настойчиво и регулярно поступали офицерам SOE от военных министерств и ведомств, хотя все перечисленные

вопросы входят в компетенцию военной, военно-морской и военно-воздушной разведок. Занятые несвойственным для себя делом, агенты SOE становились очень уязвимыми. Поэтому их аресты и гибель не были редкостью.

Так продолжалось довольно долго, даже после того, как SOE перешла под эгиду Генерального штаба союзников (SHAEF) и практически слилась с американской секретной службой OSS. Произошло это в конце 1943 года. Полковник сэр Джеффри Викерс, служивший в SOE и являвшийся представителем в Объединенном разведывательном комитете, после войны писал: «Часть военно-экономического министерства с 1942-го по 1944 год занималась исключительно разведывательной деятельностью, которая была жизненно необходима для стратегического и оперативного планирования. Правда, наши собственные подразделения не были в состоянии эту информацию обеспечить. Нам приходилось работать с гражданскими лицами. Это совершенно ненормально, когда приходится обращаться куда-нибудь, помимо своих разведывательных подразделений, чтобы раздобыть нужные сведения».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В дополнение к постоянной конкуренции с SIS и военной разведкой SOE приходилось соперничать и с политическим управлением (Political Warfare Executive, PWE). Его предшественницей явилась окутанная плотной завесой тайны организация, созданная вездесущим сэром Кэмпбеллом Стюартом. Этот человек сыграл немалую роль в британской разведывательной деятельности. Во время Первой мировой войны именно он организовал пропаганду против немцев. Он был издателем газеты «Тайме», признанным экспертом в области прессы, телекоммуникаций и пропаганды. Стюарт стал советником успешно проявившего себя правительства консерваторов, а в качестве председателя имперского консультативного комитета по связи создал особую группу из доверенных лиц, которая встречалась в Электра-Хаус в Лондоне. Вместе со своими друзьями сэром Робертом Брюсом Локкартом, который был агентом в России во время революции, Рексом Липпером, работавшим тогда в министерстве иностранных дел, и молодым морским офицером майором Бруксом сэр Стюарт провел кропотливую работу по всеобъемлющему изучению искусства и науки радиопропаганды, в которой непревзойденным и общепризнанным мастером был доктор Геббельс.

Группа получила имя EH (Electra House). Она должна была разработать план противодействия нацистской пропаганде, а также подготовить предпосылки для создания в Великобритании организации, которая после начала вооруженного конфликта с Гитлером смогла бы влиять на политическую ситуацию.

В 1939 году сэр Кэмпбелл стал директором по вопросам ведения пропаганды во вражеских странах в министерстве информации. Брюс Локкарт был директором департамента пропаганды в министерстве иностранных дел. В то же время полковник Мензис из SO-1 имел собственное отделение пропаганды и подрывной деятельности в SIS. Когда SO-1 был переведен в военно-экономическое министерство, доктор Далтон взял туда нескольких человек из группы EH. Липпер, став директором, продолжил свою деятельность в том же качестве уже в PWE, вместе со своими людьми он разместился в аббатстве Вобурн. Офицером связи был назначен Даллас Брукс.

Команда, которую доктор Далтон набрал в SO-1-PWE, по его собственным словам, была весьма разнородна, но все без исключения ее члены обладали талантом, ярким темпераментом и умели работать. В Уайтхолле их называли «сонями Липпера», что звучало иронично, потому что эти люди очень много работали, и бессонные ночи были для них не редкостью. Были они к тому же весьма честолюбивы, поэтому им был не чужд дух личного соперничества, а порой и зависти к наиболее удачливым коллегам.

Со временем политическое управление превратилось в мощное орудие подрыва идеологических устоев немецкой армии, что укрепляло ряды борцов движения Сопротивления в Европе. В своей деятельности оно использовало самые разнообразные тактические приемы, начиная от выпуска огромного количества листовок, которые затем сбрасывались с самолетов над оккупированными территориями и над Германией, и кончая созданием подпольных радиостанций, вещающих на Европу и Германию. Специальные радиопрограммы предназначались для немецких солдат, для промышленных рабочих. В работе пропагандистских радиостанций активно участвовали итальянские антифашисты. Вещание велось круглосуточно на всех европейских языках. PWE активно сотрудничало с радиостанцией BBC, принимало участие в программах, подготавливаемых европейскими правительствами и всевозможными национальными комитетами, обосновавшимися в Лондоне. При этом радиовещание работало весьма изобретательно, часто ставя немцев в тупик. Однажды им пришлось долго обыскивать все дома в большом районе Бухареста в поисках румынской радиостанции «Свобода», которая продолжала

преспокойно работать в аббатстве Вобурн.

Теоретически PWE работало в тесном контакте с SOE, SIS, а также с многочисленными министерствами и ведомствами. Но в деле не обходилось без накладок, дублирования, конкуренции и открытого соперничества. Сотрудничество все-таки было налажено после долгой и изнурительной борьбы, в результате которой Далтон был вынужден сдаться и отдать PWE Энтони Идену и министерству иностранных дел. Далтон сам признавал, что его отношения с Даффом Купером (до июля 1941 года тот занимал пост министра информации) оставляли желать лучшего, но с его преемником Бренданом Брекеном порой случались и столкновения, так что личному секретарю Далтона нередко приходилось выступать в роли миротворца.

Доходило до смешного. Как-то до Брендана Брекена дошли сведения, что PWE приобрело в одной из нейтральных стран газету, это издание должно было помочь распространению антинемецких и пробританских настроений. Шаг вполне разумный, если бы не один небольшой нюанс: незадолго перед этим ту же газету он сам купил, разумеется через посредника, для министерства информации. Еще один случай. Штаб SOE в Каире, который в те годы возглавлял лорд Гленконнер, разработал крупную пропагандистскую кампанию. Офицеры SOE должны были склонять итальянских военнопленных в Египте к тому, чтобы в письмах домой те всячески расхваливали жизнь в плену и призывали своих родственников и друзей, в свою очередь, относиться к попавшим в плен солдатам союзников с сочувствием и пониманием. Когда об этом плане узнали руководители PWE, они резко опротестовали на самых высоких уровнях действия соперников, утверждая, что, будучи пропагандистской, подобная кампания является их прерогативой. Члены кабинета провели несколько совещаний с участием руководителей обеих соперничающих организаций, но соглашение так и не было достигнуто. В итоге от весьма неплохо придуманной кампании пришлось отказаться. Тем не менее, в SOE продолжали сочинять антинемецкие лозунги и всевозможные компрометирующие немцев истории, которые распространялись агентами на оккупированных территориях, главным образом во Франции.

Еще одним, причем значительно более серьезным недугом, который не позволял SOE работать в полную силу, были напряженные отношения между британским правительством, руководителями европейских государств и национальными комитетами, обосновавшимися в Лондоне. Речь не шла о проблемах большой

политики. У англичан был свой, в корне отличный от остальных взгляд на роль и задачи движения Сопротивления в Европе.

Даже норвежцы, самые верные друзья Великобритании, отмечали, что англичане ведут себя слишком независимо на территории Норвегии. Норвежское правительство жаловалось, что английские рейды на прибрежные территории Норвегии вызывают усиление репрессий со стороны немцев по отношению к мирному населению и тормозят действие движения Сопротивления в стране. Англичане настаивали, чтобы Milorg – тайная патриотическая организация норвежцев – подчинялась приказам SIS. В итоге к концу 1941 года отношения настолько ухудшились, что всякое сотрудничество между Milorg и SOE стало практически невозможным. И только после долгих месяцев напряженных переговоров полковнику Джону Вильсону, главе норвежского отделения SOE, удалось наладить дружеские связи с эмиграционным правительством страны.

Эмиграционное голландское правительство создало в Лондоне собственную секретную службу, но британские власти потребовали, чтобы все голландские агенты были проверены и обучены в Англии, а в дальнейшем работали под руководством англичан. Когда впоследствии почти все агенты-голландцы были раскрыты и арестованы немцами (которые сумели внедрить в ряды персонала радиостанций на территории Голландии своих людей), голландцы возложили всю вину на англичан. Некоторые высокопоставленные голландские офицеры-разведчики пошли еще дальше и обвинили офицеров голландского отделения SOE в предательстве.

Англичане, а позже и американцы, отказывались рассматривать Сопротивление в Европе как стихийный бунт против фашистской оккупации. Они видели его – и время подтвердило их правоту – сугубо политическим движением. Лидеры Сопротивления (там, где оно разделялось на различные течения по политическим мотивам) ставили перед собой далеко идущие цели. Кто бы ни руководил подпольным движением, он будет иметь самые большие шансы прийти к управлению страной, когда наступит долгожданная свобода.

В особенности это относилось к Франции. Уже в самом начале войны Черчилль дал понять, что де Голль и «жалкая кучка его приспешников» не могут явиться полноценным правительством для послевоенной Франции. Поэтому он продолжал поддерживать отношения с правительством Виши. Значительно позже, в мае 1943 года, разрозненные французские группы Сопротивления образовали Национальный комитет под руководством Жоржа Бидо, и этот орган

признал генерала де Голля лидером и доверенным лицом французской нации. После этого отношение англичан слегка изменилось. Но президент Рузвельт никогда не признавал де Голля в качестве главы французского народа.

Напряженные личные отношения между генералом де Голлем и британским военным кабинетом препятствовали налаживанию плодотворного сотрудничества между SOE и французской секретной службой в Лондоне. В книге «Вторая мировая война» Черчилль писал: «Де Голль чувствовал: чтобы сохранить авторитет у своего народа, он должен вести себя надменно и гордо по отношению к «вероломному Альбиону», несмотря на то что находится в эмиграции, нуждается в нашей защите и вынужден блуждать в нашем тумане. Он обязан быть грубым с англичанами, чтобы доказать французам, что не является британской марионеткой. Именно этой политики он придерживался с неизменной настойчивостью».

С другой стороны, по мнению де Голля, англичане весьма преуспели в попытках сделать его секретных агентов своими марионетками и взять в свои руки управление, по крайней мере, некоторыми группами Сопротивления.

Генерал де Голль чувствовал, что англичане стараются уничтожить или, по крайней мере, свести к минимуму деятельность собственной секретной службы, BCRA. Ее агенты должны были пройти проверку у англичан, радиопередачи также попадали к англичанам, а добытая ими информация чаще всего не принималась во внимание. Де Голль обвинял британское правительство, SOE и руководителей британской разведки в попытках ослабить таким образом французское Сопротивление.

По крайней мере дважды генерал прерывал все отношения с британскими министерствами и запрещал своим офицерам вести какие бы то ни было разговоры со своими коллегами в SOE.

Положение немного изменилось после назначения Черчиллем майора Мортонна на пост председателя Комитета объединенного сопротивления. Это был умнейший и удивительно обаятельный человек, который умел гасить любые страсти. Назначение сэра Клода Дэнси заместителем директора французского отделения SIS и главным офицером связи с французской секретной службой в Лондоне также оказалось очень удачным.

Неудивительно, что такой горячий патриот, как генерал де Голль, жаждал действий, с нетерпением ожидая освобождения своей страны. Видя Францию разбитой и униженной условиями перемирия, преданный многими своими соотечественниками, де Голль испытывал чувство гордости оттого, что миллионы французов, несмотря ни на что, поднялись на борьбу с оккупантами. Удивляет другое: профессиональный военный и талантливый стратег, он, похоже, переоценивал роль движения Сопротивления до 1943 года и явно недооценивал силу и безжалостность немцев, расправлявшихся с его участниками.

Французская секретная служба, возглавляемая полковником Пасси, работала с лидерами Сопротивления на протяжении двух лет. С начала 1941 года и до весны 1943-го она не прекращала попытки объединить разрозненные организации и группы, действующие на территории Франции. В этом деле полковнику Пасси активно помогало французское отделение SOE. После создания Национального комитета Сопротивления Жан Мулен был назначен личным представителем генерала де Голля. Разные боевые отряды, получившие от SOE оружие, сплотились в Секретную армию под командованием генерала Чарльза Делестрэна (известного подпольщикам как генерал Видаль). Подпольная армия была создана из местного населения, ее командирами также стали французы. Они весьма успешно сотрудничали с офицерами связи и инструкторами SOE.

Вскоре стало ясно, что успех этой первой всенародной голлистской организации иллюзорен. Немцы знали о каждом ее шаге. Гестапо внедрило своих информаторов практически во все штабы и ожидало только полного завершения формирования «секретной» армии, чтобы нанести удар. В июне 1943 года было арестовано несколько видных членов Национального комитета Сопротивления. Это положило начало массовым арестам. Жан Мулен умер под пытками, генерала Видаль застрелили. За короткий срок вся верхушка секретной армии и Сопротивления была арестована и расстреляна. Волна арестов прокатилась по всей стране. Не миновала она и агентов SOE. Французское Сопротивление понесло тяжелые потери.

Одновременно активизировалось гестапо в Голландии. Немцы арестовали весь Национальный комитет, куда входили бывшие члены правительства и лидеры основных партий.

Волна арестов захлестнула Европу. Однако, несмотря на огромные масштабы катастрофы, нельзя было не отметить ряд обнадеживающих фактов. Летом 1943 года немцы торопились, считая скорую высадку союзников неизбежной. Своими действиями они дали ясно понять Лондону гибельность централизации подпольных организаций. Еще оставалось время до наступления часа пик, чтобы создать новую систему подполья.

В меморандуме, подготовленном SOE для Генерального штаба союзников, содержалась достаточно объективная оценка сложившейся ситуации. Хотя подпольные организации понесли серьезный урон, а многие отправленные из Лондона агенты были арестованы, значительная часть национальных групп уцелела. Что удивительно, тайные склады оружия и боеприпасов почти не пострадали. После ареста видных лидеров Сопrotивления немцы, потеряв бдительность, не предпринимали сколь бы то ни было серьезных попыток обнаружить тайники с полученной из Лондона взрывчаткой, патронами и оружием. Во многих районах члены разгромленных групп вновь объединились и начали принимать новых инструкторов и офицеров связи SOE, а также самолеты, регулярно прилетавшие из Великобритании с необходимыми подпольщикам грузами.

ТАЙНЫЕ АРМИИ

Группы Сопrotивления понесли чувствительный урон, но доказали свою удивительную живучесть и стали быстро возрождаться. В эти военизированные организации (Armee Secr?te во Франции, Or de Dienst в Голландии и Milorg в Норвегии) пришли тысячи новых членов. В результате реорганизации удалось избавиться от жесткой централизации в управлении. И хотя формально управление национальными организациями велось национальными комитетами, вопросы военной подготовки, организации диверсий и актов саботажа, а также обеспечения радиосвязи решались на месте. Немцы продолжали аресты, но теперь ущерб подпольным организациям уже не носил глобального характера.

За урок было заплачено дорогой ценой, которая вполне могла бы быть ниже, если бы руководители европейского Сопrotивления, причем как в Лондоне, так и на континенте, прислушивались к советам офицеров SOE.

В августе 1941 года доктор Далтон следующим образом сформулировал задачи европейского Сопротивления: «Боевики-подпольщики должны постоянно демонстрировать активное сопротивление, имеющее целью доставлять непрерывное беспокойство оккупационным силам, и не допускать уменьшения численности своих рядов. Но при этом им следует оставаться в тени и всемерно избегать широкомасштабных выступлений и амбициозных военных операций, которые могут привести только к усилению репрессий и людским потерям. Они должны делать все возможное для создания разветвленной подпольной организации, готовой по нашему сигналу нанести решающий удар».

Англичане всеми силами стремились удержать лидеров Сопротивления от решительных действий, которые привели бы лишь к разгрому с таким трудом созданной тайной организации. Их роль, по мнению SOE, заключалась в подготовке организованной и дисциплинированной тайной силы, действия которой на более позднем этапе должны быть увязаны с действиями регулярной армии союзников. Целью SOE было примирение различных политических групп, которые являлись основой Сопротивления, но часто враждовали между собой, чтобы обеспечить их эффективное управление единым командованием – сначала британцами, затем штабом союзников.

Но эти принципы большей частью не находили поддержки у эмиграционных правительств в Лондоне. Они отвергали британскую опеку над Сопротивлением и подозревали, что Великобритания преследует свои скрытые и далеко идущие политические цели. В этой книге мы не будем рассматривать сложнейшие проблемы высокой политики. Они были слишком удалены от сферы деятельности SOE и вряд ли интересовали его руководство, а уж тем более полевых агентов. Но постоянные политические споры между руководителями союзнических правительств тем не менее оказывали негативное влияние на повседневную работу SOE. Политические и дипломатические проблемы мешали решать такие простые и ясные вопросы, как поиск и обучение новых агентов, поставка вооружения, эксплуатация средств связи, а также обмен информацией между полевыми агентами.

Приказ Черчилля, отданный в июле 1940 года, был краток и однозначен: «Пусть Европа горит!» Но раньше, чем агенты SOE смогли предпринять первые шаги к его претворению в жизнь, над Великобританией нависла угроза вторжения фашистов. Вынужденная в одиночестве защищать свободу, страна подверглась яростным бомбардировкам гитлеровского люфтваффе и вспыхнула в пламени пожаров.

Прошло много месяцев, прежде чем была начата подготовка агентов, которые должны были выполнить этот приказ. В течение 1941 года процесс создания SOE шел с колоссальным трудом, а люди, сидящие в темных, полуразрушенных офисах на Бейкер-стрит, всерьез сомневались, хватит ли у них когда-нибудь сил, чтобы хотя бы зажечь факел.

Глава 2

«КОНТОРА»

Бейкер-стрит, улица, на которой жил Шерлок Холмс, казалось, обладала особой привлекательностью для «рыцарей плаща и шпаги». Возникнув из департамента Д, SOE сначала занимало несколько комнат в реквизированном правительством отеле «Сен-Эрмин» на Кэкстон-стрит, как раз на полпути между зданиями парламента и вокзалом Виктория. Осенью 1940 года стало ясно, что людям катастрофически не хватает места. Но все военные министерства и ведомства наотрез отказались предоставить управлению более просторное помещение. Считалось, что SOE существует под эгидой гражданского министра, поэтому вопрос его размещения касается только военно-экономического министерства.

С помощью бизнесменов, принимавших некоторое участие в создании SOE, с большим трудом было найдено новое помещение в доме № 62–64 на Бейкер-стрит. Через некоторое время в этом здании разместилось французское отделение и еще несколько отделов, а все руководство переехало в Сент-Майкл-Хаус – дом № 82 по той же улице. Здание было предоставлено фирмой «Marks & Spenser». Тогда, в 1940 году, этот адрес был самым засекреченным в мире. Дом вернули хозяевам через несколько лет после окончания войны. Немного позднее еще несколько отделов SOE въехало в Норджбай-Хаус – дом № 83 по Бейкер-стрит (сейчас в нем размещается департамент налогов и сборов). С ростом SOE ему требовалось больше места, но все новые помещения находились неподалеку от Бейкер-стрит. Таким образом решался вопрос обеспечения безопасности – если бы многочисленные отделы были собраны под одной крышей, это неизбежно привлекло бы к SOE повышенное внимание.

В Сент-Майкл-Хаус имелся не только главный, но и черный вход, расположенный с обратной стороны здания. Все служащие, начиная от руководителей и кончая шифровальщиками и машинистками, были обязаны соблюдать особую осторожность, старались держаться незаметно. Они почти никогда не носили военную форму. У двери Норджбай-Хаус висела неприметная черная металлическая табличка, согласно которой в здании находилось межведомственное исследовательское бюро. Существование SOE долгое время оставалось тайной даже для высших армейских чинов. Офицерам и гражданским служащим SOE предписывалось не упоминать название управления даже в частных беседах, все они дали подписку о неразглашении служебных секретов. Даже между собой они говорили о своей организации как о «фирме» или «конторе».

Военные министерства и ведомства проявляли к деятельности SOE удивительное равнодушие, хотя военное министерство настаивало на своем праве контролировать набор агентов, а секретная служба жаждала проверять благонадежность каждого. Сначала беседы с кандидатами велись в маленькой комнатке министерства пенсионного обеспечения в Вестминстере, позже для этой цели выделили две темные комнаты в отеле «Виктория», которые занимало военное министерство. Здесь также помещалось несколько разведывательных отделов.

Когда встал вопрос о назначении первых руководителей SOE, потребовалась консультация старейшины Британской секретной службы – сэра Клода Марджорибэнка Дэнси, знаменитого «дяди Клода», как его с любовью называли все – друзья, начальники, подчиненные. Черчилль очень высоко ценил этого человека, они были близкими друзьями на протяжении полувека. Дэнси участвовал во всех военных кампаниях, которые вела Британская империя. В 1890 году он воевал в Северном Борнео, затем сражался с зулусами, а во время бурской войны, находясь при штабе фельдмаршала Робертса, познакомился с Уинстоном Черчиллем. Во время Первой мировой войны он служил в разведке, а в 1938 году ушел на покой и поселился в своем поместье. Судя по всему, он не предполагал, что жизнь заставит его вернуться на службу. В 1940 году он стал заместителем директора французского отделения Британской секретной службы, причем его основной функцией стало улаживание многочисленных конфликтов во взаимоотношениях с генералом де Голлем и французской секретной службой. Тот факт, что даже генерал де Голль и полковник Пасси обращались к сэру Клоду «дорогой друг», следует рассматривать как высочайшую оценку его мудрости и доброжелательности, а также как доказательство его воистину удивительного умения общаться с французами в

Лондоне.

Дэнси рекомендовал на пост главы SOE сэра Фрэнка Нельсона, бывшего офицера индийской армии, члена парламента от партии консерваторов. Вначале предполагалось, что Нельсон будет работать в сотрудничестве с полковником Грандом из прекратившего свое существование департамента Д. Гранд через несколько дней покинул свой пост без объяснения причин и вернулся в военное министерство, оставив Нельсона в одиночестве. Но офицеры, которые вместе с полковником Грандом прибыли из департамента Д, остались. Среди них был и полковник Ф.Т. Дэвис, которому была поручена подготовка будущих секретных агентов (тех, что успели к этому времени набрать). Майор (позже полковник) Джордж Тейлор, австралиец, долго и плодотворно работал для департамента Д в Югославии и Румынии (до захвата этих стран нацистами), в SOE ему доверили организацию региональных отделений. Полковник Колин Габбинс был назначен ответственным за восточноевропейские отделения, которым на этой стадии придавалось большое значение. Уж слишком горячо поляки из армии генерала Сикорского и чехи, сплотившиеся вокруг Эдварда Бенеша, стремились отомстить за военные действия против своих стран. Поздней осенью Габбинс стал оперативным директором, в круг обязанностей которого входил надзор за функционированием всех региональных отделений. Он стал душой и движущей силой «конторы».

Сэр Фрэнк Нельсон, которому уже было под шестьдесят, оказался неутомимым тружеником. В течение долгих недель он проводил по шестнадцать часов в сутки на рабочем месте, не выглядя уставшим. Ему предстояло выполнить сложную и деликатную работу – сформировать штаб SOE. Для решения финансовых вопросов сэр Фрэнк привлек дипломированного бухгалтера – Джона Веннера. Этот человек стал поистине уникальной фигурой. Он оставался на своем посту в течение всего периода деятельности SOE. Начальником штаба сэра Фрэнка стал майор Тейлор.

Еще один человек стоял у истоков SOE. Это Чарльз Хэмбро. Крупный банкир, глава фирмы и вообще весьма заметная фигура в лондонском Сити, он на протяжении многих лет был личным финансовым советником Черчилля. Его семья имела скандинавские корни, может быть, поэтому он обладал обширными личными и деловыми связями за границей. В 1928 году, в возрасте 30 лет, он стал самым молодым директором Английского банка. Он занимал сильную позицию в государственных структурах, был вхож в высшие круги военных. Был советником Черчилля в период норвежской кампании, в начале войны совершил

ряд выдающихся подвигов в Швеции, поэтому сначала ему было поручено заниматься созданием скандинавских отделений SOE, но очень скоро он стал заместителем сэра Фрэнка.

В феврале 1942 года доктор Далтон занял пост в торговой палате, а лорд Сэлбурн стал военно-экономическим министром. Первым делом он поручил м-ру Хэнбери-Уильямсу, главе одной из фирм, провести исследование структуры и деятельности SOE. В тот период SOE, как назло, преследовали неудачи. Поэтому секретный отчет, который Хэнбери-Уильямс представил лорду Сэлбурну, не был благоприятным и содержал резкую критику в адрес работы руководства SOE в 1941 году. Поиски козла отпущения длились недолго. Результатом явилась якобы добровольная отставка сэра Фрэнка Нельсона.

В мае 1942 года на Бейкер-стрит произошли большие перемены. Сэр Чарльз Хэмбро, получивший титул в 1941 году, стал главой SOE, его заместителем был назначен бригадир Колин Габбинс. Весной 1942 года руководство SOE почти полностью сменилось. Сэр Чарльз обладал глубокими и разносторонними знаниями, он быстро воспринимал новое, являясь энергичной, талантливой и сильной личностью. Больше года он совмещал работу в SOE и на Западной железной дороге, где постоянно возникали сложнейшие проблемы, связанные с военными перевозками.

Много компетентных людей внесло свой вклад в создание SOE, но без полковника (позже генерал-майора) сэра Колина Габбинса контора вряд ли встала бы на ноги. В 1940 году Габбинс умело организовал военную кампанию, которая прикрывала отступление британских экспедиционных сил из Норвегии. В SOE он пришел из военной разведки, а уже в сентябре 1943 года занял пост одного из руководителей.

Однажды вечером в ноябре 1939 года доктор Далтон, только что ставший военно-экономическим министром, посетил торжественный ужин, который давал граф Радзинский – польский посол в Лондоне. Там не ожидалось никакого веселья. Несколькими неделями ранее Польша пала. За столом Далтон сидел рядом с английским полковником, которого ему представили, но имя он не запомнил. Во время застольной беседы Далтон узнал от своего соседа, что тот служил в британской военной миссии и в сентябре, находясь в Варшаве, едва избежал плена. Далтон обычно не имел привычки вести дружеские беседы с полковниками, но неожиданно для самого себя обнаружил, что сидящий рядом с ним офицер очень умен, приятен в общении и отлично информирован. Он

говорил, что, если бы польская армия не проявляла романтический героизм, а вовремя отступила к рекам Висле и Бугу, эту линию обороны можно было бы удерживать достаточно долго. Еще он поведал Далтону, что в августе Британия отправила в Польшу 120 «харрикейнов». 28 числа они достигли Дании. И там были задержаны, поскольку никто не мог решить вопрос, кто будет платить 4 тыс. фунтов за перевозку. Самолеты так никогда и не попали в Польшу. А если бы они были доставлены вовремя, история могла бы совершить виток в другую сторону. Габбинс много знал и о нетрадиционных методах ведения войны. Доктор Далтон решил, что этого умного полковника следует обязательно запомнить. Если потребуется, к нему всегда можно будет обратиться за консультацией.

Когда бригадир Габбинс прибыл в штаб SOE, ему было сорок пять лет. Это был худощавый, жилистый мужчина среднего роста с темными волосами и аккуратно подстриженными «военными» усиками. Он всегда внимательно смотрел в глаза собеседнику, говорил короткими, отрывистыми фразами. Посторонний наблюдатель мог бы назвать этого человека типичным английским полковником. Его манера поведения была также совершенно обычной, общепринятой. Но за внешностью ординарного армейского служаки скрывался человек, обладавший высочайшим интеллектом и культурой, являвшийся прирожденным лидером и к тому же не лишенный чувства юмора. Все эти качества были ему очень полезны при общении с пестрой толпой банкиров, профессоров, юристов, журналистов, киношников, директоров школ, бездельников, искателей приключений, а также иностранцев из дюжины европейских стран, которые должны были действовать под его руководством. Благодаря своей неиссякаемой энергии бригадир Габбинс вдохнул жизнь в SOE, заразив энтузиазмом и своих подчиненных. Под его руководством работать было отнюдь не просто, он обладал необыкновенной работоспособностью, целеустремленностью и упорством – качествами, которых не хватало многим обитателям Бейкер-стрит.

КАК ДЕЛАЛИ АГЕНТА

Трудности, с которыми сталкивались первые сотрудники SOE, были весьма значительными. Они были настоящими первопроходцами, их деятельность не имела прецедентов ни в одном из военных конфликтов, в которых ранее доводилось участвовать Великобритании.

В мирное время профессиональный офицер-разведчик в обязательном порядке получал общую военную подготовку. Он заканчивал одну из военных академий и назначался на должность после прохождения специального обучения. Находясь за границей, он состоял в штате или, по крайней мере, находился в контакте с дипломатическими или консульскими службами своей страны, всегда мог рассчитывать на защиту и советы надежных друзей. Те немногие профессиональные агенты, которые оставались на вражеской территории во время войны, всегда имели достаточно устойчивое положение и были обеспечены надежной связью.

Величайшая сложность для агентов SOE заключалась в том, что практически все будущие сотрудники, которым предстояло стать организаторами актов саботажа и диверсий, инструкторами действующих на вражеской территории партизанских групп и тайных армий, не были профессионалами.

Генерал Габбинс формулировал задачу следующим образом: первый человек, который отправится на оккупированную территорию, должен проявить свой интеллект и смекалку, чтобы обеспечить собственную безопасность и наладить необходимые связи. При этом действующий в одиночку и излишне общительный агент обязательно подвергнет себя повышенной опасности разоблачения и предательства, поскольку легко может привлечь к себе внимание гестапо.

Человек, который выражает добровольное согласие подвергнуть себя риску и при этом сумеет, несмотря ни на что, уцелеть и выполнить свою задачу, должен быть выдающейся личностью. Вопросы тайной войны, в которых ему предстояло стать экспертом, сложны и разнообразны. Они включают в себя формирование штаба, поиск и обучение надежных помощников и курьеров, организацию приема новых агентов, а также грузов, сброшенных с самолетов, военное обучение местного населения и организацию боевых групп, планирование и выполнение диверсионных акций и многое другое. Чаще всего ему придется уметь пользоваться радиопередатчиком, самостоятельно шифровать и расшифровывать сообщения.

Помимо перечисленных выше обычных операций, перед агентами SOE нередко ставились и весьма неожиданные задачи. Полевому агенту – офицеру SOE – зачастую приходилось служить посредником и стараться примирить враждующие между собой группы движения Сопротивления, всячески сглаживать политическую и личную враждебность, то есть находиться в самом центре сложного клубка интриг. Часто ставились задачи шпионского характера

– сбор и передача военной, политической и экономической информации, которая была жизненно необходима различным министерствам.

Первое условие, без выполнения которого полевой агент не имел шансов уцелеть, не говоря уже о выполнении задания, было хорошее владение языком страны, куда он направлялся, знание ее законов и обычаев. Чтобы не привлекать к себе внимание, агенту приходилось маскироваться под местного жителя. Ему нужно было изучить величайшее множество всяких мелочей, о которых люди обычно знают только потому, что живут в своей стране, – популярные песни, фольклор, имена государственных деятелей, писателей, популярных актеров, национальные блюда, напитки и т. д. Всего не перечислить. И разумеется, у агента должны быть надежная легенда, а также профессия и все удостоверяющие личность документы.

Персонал генерала Габбинса почти полностью набирался из рядов вооруженных сил союзников, большую его часть составляли британские офицеры, а также военнослужащие из доминионов. Если же агенты требовались для Голландии, Норвегии, Польши или Чехословакии, использовались национальные кадры, подобранные и рекомендованные находящимися в Лондоне правительствами соответствующих стран. Как правило, люди, которые прибыли в Лондон не в составе своих воинских подразделений в 1940 году, а появились позднее в качестве беженцев или эмигрантов, проходили всестороннюю проверку в Патриотической школе в Лондоне под надзором директора SOE по безопасности Джона Сентера. Набор агентов из рядов вооруженных сил, а также качественная проверка патриотов, как подчеркивал генерал Габбинс, значительно снижали риск проникновения в ряды организации немецких шпионов.

С другой стороны, почти все агенты SOE, направляемые в страны Юго-Восточной Европы – Югославию, Албанию, Грецию, – были англичанами. В Италию также отправляли в основном англичан. Но все они не были секретными агентами в полном смысле этого слова. Они входили в военные миссии и должны были присоединиться к партизанским и повстанческим штабам.

Французское отделение, для которого требовалось самое большое число агентов, также столкнулось с проблемой их поиска. Подробно об этом вы сможете прочитать в следующей главе.

На первичном собеседовании кандидату подробно не объясняли, чем именно он должен заниматься. Ему говорили, что работа будет секретной, иногда

намекали, что служба будет проходить за границей. Каждому кандидату зачитывали соответствующие параграфы законов об охране государственной тайны, и он давал подписку о неразглашении. Кроме того, будущий агент давал слово чести никогда и ни при каких условиях не вести ни с кем разговоров о своей будущей работе. Если после нескольких предварительных бесед проводящий их офицер решал, что кандидат обладает всеми необходимыми качествами будущего агента, ему сообщали о необходимости пройти первичную подготовку. Причем его предупреждали, что это вовсе не означает обязательное последующее зачисление в SOE. Может получиться так, что он вернется на службу в свое подразделение. Причем отказ от приема его на службу в SOE не следует считать недооценкой его храбрости. Он может не подойти по совершенно другим личностным качествам. Несмотря на острую необходимость в агентах, многих кандидатов отвергали сразу, а некоторые не проходили предварительную подготовку.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

В начале войны еще не было специальных школ, в которых готовили бы секретных агентов. Но существовала особая группа инструкторов, которые могли бы работать в таких школах. Когда в 1939 году Красная армия вторглась в Финляндию, англичане начали собирать добровольцев, которые должны были помочь финнам. Следует помнить, что у Сталина был договор о ненападении с Гитлером. Русские оккупировали половину Польши задолго до того, как последовала молниеносная атака немцев на эту страну. Идея отправки в Финляндию добровольческих сил принадлежала Черчиллю и Энтони Идену, занимавшему тогда пост военного министра. Остальные члены кабинета не были в восторге от этого предприятия.

Спешно собрали батальон лыжников, состоящий из 600 офицеров из различных армейских подразделений. Каждый из добровольцев был неплохим лыжником и имел опыт выживания в горах. Добровольцы прошли короткую, лихорадочную подготовку в одном из британских сборных лагерей, поскольку хотя все они и были сильными и выносливыми людьми, но с винтовками обращаться не умели. Затем они направились в Шамони (Альпы), где продолжили подготовку совместно с французскими лыжниками, которым тоже предстояла отправка в Финляндию. Дело закончилось ничем. Финны подписали мирный договор с Россией, причем на совершенно невыгодных для себя условиях, передав 16 тыс.

квадратных миль своей территории Советскому Союзу. Батальоны добровольцев были расформированы.

Шотландские гвардейцы полковника Мэйфилда и капитана Билла Стерлинга по заданию военной разведки начали обучать группу младших офицеров, которые впоследствии сами должны были стать инструкторами в школах для агентов «специального назначения». Первая специальная школа была открыта в Инверейлорт-Хаус, в двадцати милях к западу от форта Вильям. Впоследствии в этой школе прошли подготовку многие агенты SOE.

Инверейлорт-Хаус был массивным квадратным строением из гладкого серого камня, расположенным на южном берегу в верхней части Лох-Эйлорт. Благодаря своей холодной и строгой архитектуре здание отлично вписывалось в окружающий его унылый пейзаж. Фасад сооружения был обращен на север к морю, свинцово-серые воды которого либо тихо плескались, почти невидимые в туманной дымке, либо ревели и грохотали, подгоняемые штормовым ветром. Тыльная часть здания пряталась в тени мрачной черной скалы, прямо от задней двери начинались густые заросли, которые взбирались довольно высоко по склону, поэтому солнца там не было почти никогда. В Гленфиннэне, расположенном в 10 милях к востоку, выпадает самое большое количество осадков на Британских островах...

Как видно, первые агенты SOE обучались среди весьма мрачных декораций, но к 1944 году было создано уже более 60 специальных школ, причем некоторые из них располагались в Италии и Северной Африке. Эта цифра не включает учебные центры, созданные совместно с другими спецслужбами и американским OS S в таких удаленных местах, как Хайфа, Хартум, Цейлон, Австралия и др. Школа SOE в городке Ошава, неподалеку от Торонто, позже стала образцом для американских специальных школ, куда активно приглашались английские инструктора.

Из британских специальных школ SOE вышло 7500 агентов, мужчин и женщин, которые были отправлены в Западную Европу. Еще 4 тыс. человек обучались в средиземноморских школах и были посланы в Италию, Югославию, Грецию, Албанию, другие страны.

Приведенные цифры включают в себя членов вооруженных групп, которые в большом количестве направляли во Францию незадолго перед и сразу после высадки союзников в Нормандии и на юге страны в 1944 году. Они состояли из

трех и более одетых в форму и отлично вооруженных офицеров и агентов. Их сбрасывали в только что освобожденных районах с задачей оказать помощь в зачистке территории от немцев.

За первые три года работы SOE (до начала весны 1944 года) в Европу было направлено не более 2000 офицеров.

Первым директором по подготовке агентов стал полковник Джордж Тейлор, ранее служивший в департаменте Д. Ему на смену пришел полковник Дж. С. Вильсон, чей длительный опыт работы в индийской полиции и скаутском движении сделал его незаменимым в обучении агентов, призванных «поджечь Европу». Благодаря стараниям полковника Вильсона школы больше напоминали лагеря скаутов, чем военные подразделения. Атмосфера в них была легкой и неформальной. Инструктора старались привить своим слушателям навыки обращения с взрывчатыми веществами, обучали методам ведения тайной войны. В этих школах обходились без традиционных и по большей части абсолютно бесполезных дисциплин. Инструктора были опытнейшими практиками и щедро делились своими знаниями со слушателями. Когда в 1942 году полковник Вильсон оставил свой пост, чтобы принять командование скандинавскими отделениями SOE, система обучения агентов уже была отлично налажена и эффективно работала.

С расширением SOE и сети специальных школ требовалось все больше и больше свободных помещений. Задача их поиска на территории Великобритании была возложена на лейтенант-полковника Д.Т. Уоллиса, который был по образованию архитектором. Выступая от имени министерства труда, он предлагал владельцам подходящих домов предоставить их для специальных целей. В большинстве случаев удавалось достичь полюбовных соглашений. Хотя иногда и приходилось прибегать к процедуре реквизиции.

Одна из первых школ располагалась в Вонборо-Мэнор – неподалеку от Гилфорда в графстве Суррей. Поместье было построено в 1527 году и начиная с XVII века принадлежало графам Онслоу. Отдавая дань пышному великолепию щедрого XVIII века, в нем устроили удобные гостиные и создали прекрасный парк. А в XX веке там появились немногословные мужчины и женщины, занимавшиеся странными делами. Как и во всех специальных школах, в Вонборо-Мэнор работали женщины из добровольческой организации, члены которой оказывали медицинскую и хозяйственную помощь. Она называлась FANY (First Aid Nursing Yeomanry) и была создана еще в 1907 году. Ее члены – молодые и не очень

молодые женщины, происходившие чаще всего из знатных дворянских семей, – были медицинскими сестрами, помощницами по хозяйству, а иногда и просто друзьями для часто не всегда уверенных в себе слушателей школы. Они готовили еду, убрали помещения, заботились об одежде своих подопечных. Эти славные женщины были заботливыми медсестрами, хозяйками, экономками.

Тем не менее отношение к ним было весьма неоднозначным. Постепенно женщины из FANY начали привлекаться и к другим работам. Они стали машинистками, секретарями, шифровальщицами. В 1943 году, когда Королевские войска связи Великобритании начали осуществлять прием и передачу информации агентам, именно эти женщины пополнили ряды радисток. Они работали не за страх, а за совесть, и только очень узкий круг лиц знал о секретной работе, которую они выполняли. Не подлежит сомнению тот факт, что война 1914–1918 годов побудила множество женщин, принадлежавших к высшему классу, забыть о роскоши и наслаждениях и прийти на помощь родной стране.

История хранит имена героинь SOE – Мари Ле Шен, Мари Герберт, Пегги Найт, Андре Боррель, Мадлен Дамермент и многих других храбрых женщин, отдавших свою жизнь во имя будущего. Нельзя не вспомнить Лиз де Безак, Эйлин и Жаклин Нирн, Нэнси Уэйк, Одетту Сэмсон, которые пришли на секретную работу из FANY и отлично зарекомендовали себя в деле. Можно с уверенностью сказать, что эта женская добровольческая организация сыграла важнейшую роль в работе SOE, и утверждение, что без нее SOE вряд ли смогло бы окрепнуть и широко развернуть свою деятельность, отнюдь не является преувеличением.

Жизнь сложилась так, что работа и выдающиеся успехи этих женщин были окутаны покровом тайны, им не суждено было получить публичное признание, которое они по праву заслужили. В своем письме коменданту FANY Хоуп Гамвелл генерал-майор Габбинс писал: «Мне не хватает слов, чтобы выразить, что значили члены FANY для нашей организации и меня лично. Для организации они были всем, без них мы никогда бы не сумели претворить в жизнь все наши планы. Они были строгими и умелыми хозяйками, добрыми и жизнерадостными друзьями, преданными помощницами в преодолении любых трудностей. Я испытываю гордость при мысли о том, что дал им возможность проявить свои замечательные качества. Эти женщины были восхитительны и воистину бесценны».

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ ПЛАЩА И ШПАГИ

Командиром в Вонборо-Мэнор был бывший гвардеец Роджер де Веслоу. По словам сослуживцев, он всегда оставался бравым гвардейцем, но умел находить общий язык с самыми разными людьми. Приверженец строжайшей военной дисциплины, он знал, как справиться с весьма разношерстной публикой, которой были его слушатели. Тонкий знаток в области всевозможных гастрономических изысков и большой гурман, он мог бесконечно обсуждать достоинства итальянской пасты или цыпленка в винном соусе со своими подопечными, большинство которых прибыли с континента.

Будущие агенты должны были получить начальную военную подготовку и овладеть основными навыками, необходимыми на секретной работе. Но, несмотря на столь сложные задачи, атмосфера в школе больше напоминала отдых в загородном доме, чем обучение в военном учебном заведении. Конечно, это был очень засекреченный загородный дом, и вообще все специальные школы тщательно охранялись. Слушателям и сотрудницам FANY не разрешалось покидать пределы учебного заведения и даже общаться со своими семьями. Только в исключительных случаях лучшие из лучших поощрялись поездкой домой, да и то не в начальный период обучения.

Среди первых учеников Вонборо-Мэнор преобладали поляки и норвежцы. Затем появились англичане, канадцы, голландцы, датчане и многие другие. Их обучали представители самых разных военных профессий, а также детективы из Скотленд-Ярда. За ходом учебы наблюдали офицеры из региональных отделений SOE, которые частенько навещали школы, нередко с учащимися беседовали военные психиатры. В начальный период за реакциями слушателей и их поведением в различных жизненных ситуациях внимательно и постоянно наблюдали. К примеру, им предлагались крепкие напитки, причем моделировалась ситуация, при которой ее участники поощрялись к употреблению максимального количества спиртного. Необходимо было узнать, как ведут себя люди под воздействием алкоголя: станут они сонными и молчаливыми или, наоборот, начнут болтать, появятся ли признаки агрессивности, может быть, кто-то даже полезет в драку? Начнут ли они выбалтывать секреты? За студентами наблюдали даже ночью в спальне, чтобы выяснить, не разговаривают ли они во сне, а если разговаривают, то на каком языке. В часы отдыха среди студентов обязательно находились офицеры школы, в задачу которых входило вовремя заметить, становятся ли люди на досуге излишне разговорчивыми. Такие методы могут показаться слишком суровыми и

даже не вполне порядочными, но именно так можно было составить наиболее полное представление о том, как поведет себя агент в полевых условиях. Ни одно собеседование не сможет дать такой всеобъемлющей картины.

Не все ученики, как бы ни был велик их энтузиазм, преодолевали начальный период обучения, даже в ситуациях, когда необходимость в агентах была особенно острой. Те же, которым удавалось успешно преодолеть начальный этап, отправлялись в другие школы, где обучались практическим навыкам, которые требовались секретному агенту. Эти люди уже могли быть уверены, что рано или поздно станут агентами.

Следующая ступень – физическое совершенствование. Шефы SOE, часто вопреки требованиям военных инструкторов, не обращали особого внимания на физические возможности будущих агентов. Все-таки из них не готовили командос (хотя и они должны были обладать некоторыми навыками, свойственными десантно-диверсионным войскам). Понятно, что курс физической подготовки был необходим, хотя бы для того, чтобы дать понять будущему агенту, какие трудности его ожидают. Для его прохождения студентов отправляли в различные шотландские лагеря. SOE даже разрешили использовать первую десантно-диверсионную школу в Лох-Эйлорте, позже было создано несколько других, например школа № 26 в Аризаге.

Специальная школа в Миобле (неподалеку от Аризага) располагалась в дикой и недоступной местности. Попастъ туда было очень непросто, да и далеко не всякий был в состоянии вынести долгий и утомительный путь по горным дорогам Шотландии. Студенты учились преодолевать труднопроходимые участки местности, бесшумно двигаться по густым зарослям, переправляться через реки, взрывать мосты учебными взрывчатыми веществами и скрываться от воображаемых немецких патрулей. Они совершали трудные и долгие переходы с тяжелым грузом, для которых требовалась нешуточная физическая выносливость. На завершающей стадии обучения организовывались учебные бои между отрядами сил Сопротивления и эсэсовцами.

Люди по-разному переносили большую физическую нагрузку. Одни в полном смысле этого слова скакали, как горные козлы, не ощущая особых неудобств. Другие, за всю свою жизнь не державшие в руках ничего тяжелее карандаша и считавшие серьезной физической нагрузкой работу локтями в толпе, падали с ног от изнеможения. Но обычно даже в самых тяжелых ситуациях будущим агентам не изменяло чувство юмора. Можно припомнить всего несколько

случаев, когда переутомившиеся студенты порывались все бросить и вернуться к своим прежним, пусть не вполне мирным, но не слишком обременительным занятиям. Но после хорошего отдыха обычно все признаки депрессии исчезали. Некоторые студенты даже находили для себя приятные забавы, например, кое-кто пристрастился глушить в ближайшем водоеме лосося зарядами гелигнита. Инструктора смотрели на подобные нарушения сквозь пальцы, поскольку считали это своеобразным проявлением личной инициативы, которую следовало всемерно поощрять.

Закаленные в горах Шотландии, студенты распределялись между следующими школами, имеющими более узкую специализацию. И еще они в обязательном порядке проходили курс прыжков с парашютом. Вначале он был организован в Данхэм-Мэсси-Хаус (графство Чешир), но вскоре число студентов увеличилось настолько, что к делу подключили парашютную школу в Тэттон-парк (Рингвей, возле Манчестера). В ней прошли обучение несколько тысяч секретных агентов, в том числе больше сотни женщин.

Командиром школы был капитан Морис Ньюнхэм, который занимал этот пост со дня ее открытия в 1940 году. Во время Первой мировой войны Ньюнхэм был летчиком, в 1939 году он вернулся на службу, страстно желая снова летать. В тот период ему исполнилось сорок четыре года, и он работал управляющим директором автомобильной компании «Триумф». Вместо стальных крыльев, к которым он стремился всей душой, Ньюнхэм получил стол и гору бумаг в министерстве. Но однажды ему предложили возглавить парашютную школу. Ньюнхэм, в жизни не совершивший ни одного прыжка, сразу же согласился, сочтя эту работу более интересной. Для начала он решил научиться прыгать сам. Ньюнхэм совершил тридцать один прыжок и однажды даже сломал ногу, когда парашют не полностью раскрылся.

Начало тренировок в Рингвей было не вполне удачным. Первыми инструкторами там стали профессиональные парашютисты-артисты, до войны выделявшие в воздухе головокружительные трюки на представлениях знаменитейшего воздушного цирка сэра Алана Гобхэма. Однако их техника была признана бесполезной для практического использования агентами, и тренировки пришлось начинать заново. Школа стремительно росла. К концу войны через нее прошло более 60 тыс. воздушных десантников, включая знаменитые «красные береты», чьи подвиги стали легендами.

Многим секретным агентам пришлось учиться опускаться на воду. Озеро – отличный ориентир для штурмана, определяющего зону выброски. Кроме того, парашют может быть отнесен порывом ветра в сторону от места предполагаемого приземления, поэтому он вполне может опуститься в озеро, в реку, на дерево. Частенько агентов приходилось вылавливать из озера в Тэттон-парк, причем только парашюты спасали их от погружения на дно.

До начала прыжков студенты должны были прослушать несколько лекций. Обычно их читал уоррент-офицер Джо Сазерленд, в котором явно погиб великий комик. Сначала он долго и велеречиво втолковывал студентам, что от парашюта, то есть от восьмидесяти ярдов цветного шелка, зависит человеческая жизнь. Он заверял робевших перед первым прыжком мужчин и женщин, что упомянутый парашют – вещь весьма прочная, неплохо сделанная и обладающая довольно высокой степенью надежности. Но неизменно в заключение сообщал, что на все это не стоит рассчитывать, поскольку успешное приземление зависит только от мастерства парашютиста, который должен обладать недюжинным умом и уметь им вовремя воспользоваться. Поэтому все сидящие перед ним студенты, радовал он своих слушателей, – ближайшие кандидаты в покойники, и самое лучшее, что они могут сделать, – это бросить все и разбежаться по домам, причем чем быстрее, тем лучше. Это был истинно английский способ, основываясь на парадоксах, поднимать моральный дух аудитории. Многие студенты вспоминают историю, рассказанную Сазерлендом, в которой речь шла о новичке, который никак не мог решиться на прыжок. В какой-то момент он со злостью вытащил изо рта зубной протез и спрятал его в карман. Когда после благополучного приземления его спросили, зачем он это сделал, парашютист раздраженно ответил: «Мне пришлось... они чертовски громко стучали».

НЕ УБИВАЙТЕ НЕМЦА

Некоторые студенты вторую часть своего обучения начинали в Брокхолле (между Дейвентри и Нортхемптоном), который в течение столетий принадлежал семейству Торнтон. Сам полковник Т.А. Торнтон предложил это здание SOE. Другие отправлялись в Белазис (возле Доркинга, Суррей) или в Чорли-Вуд (Хертфордшир). Основная часть голландских и норвежских агентов проходила обучение в школе № 45, расположенной в замке Хэтероп в Глосестершире. Сейчас в этом красивейшем здании располагается одна из школ для девочек. Должно быть, таким образом духи дома получили своеобразную компенсацию за

все, что им пришлось наблюдать в этих стенах в военные годы.

Во всех этих школах студенты получали основные навыки, необходимые работникам «плаща и шпаги». Помимо всего прочего, их обучали приемам ведения ближнего боя без оружия, совсем как шпионов, подвиги которых нам так часто показывают в кино и по телевизору. В Эстон-Хаус в Хертфордшире двое бывших полицейских, Сайке и Фэрберн, получивших капитанские звания, учили своих студентов убивать. Сайке любил повторять, что «ножом следует владеть так же виртуозно, как художник – кистью». Но вместе с тем всегда советовал озадаченным студентам первым делом «бить противника по яйцам, и как можно сильнее».

А в Брокхолле сержант Гарри Корт, обучивший более тысячи агентов SOE и прочих спецслужб, практиковал совершенно иной подход к проблеме. «Не убивайте немца, – часто повторял он, – лучше отправьте его на полгода в госпиталь. Нам так выгоднее. Раненому солдату требуется лечение и уход, на что будет затрачено большое количество немецких человеко-часов. Мертвого солдата зароят и забудут». Он в совершенстве владел искусством обезвреживать немецких часовых и учил других это делать молча, внезапно, безжалостно. Чтобы научиться нападать, студентам следовало освоить две основные составляющие процесса: понять принцип действия рычага и изучить наиболее уязвимые точки человеческого тела. Корт часто говорил студентам: «Забудьте о кулачных боях, которые вы часто видите в гангстерских фильмах. Не вспоминайте и об уроках бокса, которые вам могли давать на предыдущих стадиях обучения или в спортивных клубах. Не стоит утруждать свои кулаки. Вы только в кровь разобьете костяшки пальцев, а это больно». Он учил наносить удар нижней частью открытой ладони, ломая противнику челюсть, или бить ребром ладони по уязвимым точкам тела. Мирная тросточка или зонтик, согласно Карту, в умелых руках могли стать такими же смертоносными, как шпага. У любого человека, утверждал он, в кармане всегда есть оружие – пилочка для ногтей, расческа, авторучка. В процессе обучения студенты овладевали также навыками дзюдо.

В школе № 17 в Хэтфилде (Хертфордшир) преподавали как первичную подготовку, так и специальный курс промышленного саботажа. А в школе № 40 в Бедфорде обучали главным образом радистов. Кстати, и в Хэтфилде готовили весьма неплохих «пианистов».

Каждый студент в обязательном порядке учился стрелять, а также правильно обращаться с винтовкой и пистолетом. Он должен был уметь пользоваться, разбирать и собирать разные типы оружия, включая винтовки, пистолеты, «стены», «брены», базуки и «пиаты». Начиная с 1942 года именно они были на вооружении у бойцов Сопrotивления. Причем студент должен был уметь не только сам надлежащим образом обращаться с оружием, но и быстро обучить этому других, к тому же в полевых условиях. Помимо этого студенты проходили обязательный курс обращения с различными взрывчатыми веществами. Этот курс включал и практические занятия, в школах проводились акции по уничтожению вполне конкретных объектов – бетонных пилонов, стен, железнодорожных веток, проложенных специально для этих целей, даже небольших зданий. Саперы и военные инженеры обучали будущих диверсантов тонкостям своего дела.

В конце концов студентов переводили в одну из школ для прохождения завершающей стадии обучения. Самой известной из них, и самой засекреченной, во время войны была школа SOE в Болье, родовом поместье лордов Монтегю в Нью-Форест. Там командовал полковник Фрэнк Спунер, много лет прослуживший в Индии. У него собралась очень представительная команда инструкторов, в которой было даже несколько инспекторов из Скотленд-Ярда.

Полковник Фараго, офицер американской разведки, сказал, что англичане дали миру нескольких воистину исключительных разведчиков, что явилось результатом отлично организованной системы подготовки, стимулирующей развитие интеллекта, необходимого в этой работе. Впоследствии он добавил, что наиболее выдающиеся английские разведчики, а, по его мнению, в их число вошло немало офицеров SOE, получили знания, которые дают в публичных школах, Колдстримском гвардейском полку, Кембридже, Оксфорде и у горцев Камерона. Хотя это утверждение и можно рассматривать как комплимент, оно не вполне верно. Многие из агентов SOE не имели такой впечатляющей подготовки. Но одно не подлежит сомнению: на завершающих стадиях обучения в школах преподавали блестящие офицеры, обладающие высочайшей квалификацией, и их влияние не могло не сказаться на выпускниках.

В Болье агенты жили в коттеджах, расположенных по всей территории поместья, романтически именовавшегося «Дом на берегу», или «Дом в лесу». Каждый день агенты собирались в главном зале, чтобы прослушать последние наставления. (Сейчас туда по воскресеньям приезжают туристы и платят 35 центов за возможность осмотреть выставку старинных машин.) Чтобы вжиться в

новый образ, необходимо время. Агенты регулярно встречались с курирующими их офицерами, в чьи обязанности входил постоянный контакт и помощь агенту до момента его отправки на задание. Многие из курирующих офицеров успели сами побывать в шкуре полевого агента, поэтому щедро делились собственным опытом. Студенты становились настоящими профессионалами в чтении карт, шифровании, микрофотографии, а также приобретали умение обеспечить безопасность свою собственную и будущих соратников.

Они узнавали, как выбрать безопасное жилье, установить первые контакты, использовать курьеров, назначать даты встреч, связываться с участниками Сопротивления, готовить посадочные площадки для приема новых агентов и грузов, как пользоваться фальшивыми документами. Кроме того, они узнавали, чего ни в коем случае не следует делать, чтобы не подвергать себя угрозе разоблачения и плена. Им давали микрофильмы с заданием спрятать их в любом месте на теле, затем агентов обыскивали опытные в этом деле инструктора, большинство из которых ранее служили в Скотленд-Ярде. Некоторые студенты здорово наловчились в этом деле и впоследствии имели все шансы стать удачливыми контрабандистами.

Периодически имитировались допросы в гестапо. Они выглядели очень натурально, разве что обходилось без избиения и пыток. Все остальные атрибуты – грубые крики, яркий свет в лицо, плетки, прутья и т. п. на этих допросах присутствовали. По окончании этого весьма неприятного урока студенту давали выпить, после чего объясняли все допущенные им ошибки и объясняли, как следует себя вести в реальной ситуации.

РАДИОСВЯЗЬ

Будущие агенты были обязаны как следует проникнуться сознанием необходимости и жизненной важности радиосвязи. Выполнение полевым агентом задания напрямую зависело от наличия регулярной связи со своим штабом. Отрезанный от штаба, не имеющий возможности получить инструкции и доложить о результатах своей работы, агент сразу потеряет свою значимость, и даже самые отчаянные подвиги будут иметь небольшую ценность. Вероятно, такой агент сможет выступить в роли одинокого волка и причинить врагу ощутимое беспокойство, проведя акцию саботажа или осуществив диверсию – к

примеру, подорвав железнодорожную ветку или электростанцию. Но даже такое внушительное действие станет не более чем булавочным уколом для врага, если оно не будет частью целенаправленной общей стратегии.

Главной задачей агента SOE была организация и обучение групп Сопротивления, которые впоследствии должны были слиться в тайные армии, оказывающие действенную помощь войскам союзников путем проведения диверсий на вражеских коммуникациях, разрушения железных и автомобильных дорог, создания помех продвижению грузов. На завершающем этапе тайные армии должны были начать военные действия в тылу врага. Каждый полевой агент напрямую зависел от возможности получения соответствующих инструкций своего руководства, равно как и от снабжения его по воздуху различными грузами, оружием, взрывчаткой и деньгами. Он должен был регулярно информировать штаб о своих действиях. Во многих отношениях благополучие агента зависело от регулярности его радиоконтактов с руководством. Если организованная им сеть или же его собственная безопасность оказывалась под угрозой, агент мог попросить о помощи, к примеру, вывезти его в безопасное место, направить к другому агенту в один из соседних районов, указать путь ухода. Поэтому подавляющее большинство агентов учились работать с радиопередатчиком. С теми, кто имел специальные задания и должен был выступать в роли офицера связи, инструктора по диверсионным операциям и т. д., посылали «пианиста».

Если агент по какой-то причине не имел прямого радиоконтакта со своим руководством, существовала возможность передачи ему инструкций, используя радиовещание Би-би-си. Заранее оговоренные кодовые фразы, предназначенные лично для конкретного агента, передавались в различных иностранных программах. Радиостанция Би-би-си вела круглосуточные передачи на иностранных языках на все оккупированные страны. Такое послание должно было непременно попасть к агенту, потому что у последнего непременно отыскивались бы друзья, имеющие радиоприемник (хотя немцы запрещали жителям оккупированных стран слушать Би-би-си). Но полагаться только на такой способ связи было очень рискованно хотя бы потому, что он был односторонним. Даже если агент получил сообщение и правильно его понял, он все равно не имел возможности ответить.

Для контактов с агентами часто использовали специальных курьеров, которые передавали и собирали сообщения через нейтральные страны. Таким способом часто пользовались в Дании и Норвегии через нейтральную Швецию. Нередко к

нему же прибегали во Франции и Италии, на этот раз через Швейцарию. Такой способ связи тоже был достаточно рискованным и использовался нерегулярно.

Единственным способом установить регулярный и двухсторонний контакт с агентом оставалось использование радиосвязи. Поэтому на оккупированных территориях создавались подпольные радиостанции, несмотря на то что и в этом случае риск был исключительно велик. Агент или его радист должны были уметь передавать и принимать зашифрованные сообщения. Немцам, если они успевали их перехватить, приходилось немало потрудиться, чтобы расшифровать.

Используя специальные кристаллы, каждый передатчик настраивали на одну из принимающих станций, которые были в изобилии установлены в самых разных частях Великобритании. Обычно радиооператоры выходили в эфир в строго установленное время, например каждый вторник, четверг, субботу и воскресенье в 7.00. Все сообщения были зашифрованы и содержали один или два сигнала проверки безопасности. В дополнение к этому оператору обязательно задавались проверочные вопросы и тщательно проверялись полученные ответы. Ответ должен был состоять из заранее установленной короткой фразы. К примеру, на вопрос «Ваша рубашка чистая?» ответ мог быть таким: «Солнце светит ярко».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

SHAEF – объединенный штаб экспедиционных войск союзников. (Примеч. пер.)

2

Черчилль У. Указ. соч. (Примеч. авт.)

3

Там же.

4

BCRA – Bureau Central de Renseignements et d'Action – разведывательное подразделение генерала де Голля, работавшее в Лондоне в 1940–1944 годах. (Примеч. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/kukridzh_edvard/evropa-v-ogne-diversii-i-shpionazh-britanskih-specsluzhb-na-okkupirovannyh-territoriyah-1940-1945

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)